

В.Н. Калуцков

**«ПИСЬМА РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»
Н.М. КАРАМЗИНА:
ЛИТЕРАТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье «Письма Русского путешественника» Н.М. Карамзина исследуются с литературно-географических позиций. Это означает, что литературное путешествие рассматривается как способ литературного освоения пространства.

Литературное путешествие Карамзина характеризуется как светское паломничество, в котором святые места замещаются «несвятыми» – природными, историческими, культурными, литературными. Автор сменил устоявшиеся векторы культурных оценок, рассматривая Европу не как «рай» и не как «ад», а как равное России культурное пространство.

«Записки» убедительно демонстрируют, что литературное путешествие имеет циклическую структуру и четковидную пространственную организацию, которое включает линейное пространство придорожных ландшафтов и ядерное пространство остановок, которые следует рассматривать как вход в другую культуру.

К важным атрибутам литературного путешествия относятся небольшая скорость движения, позволяющая «считывать» эстетику и структуру культурного придорожного ландшафта, и невысокий темп самого путешествия, оптимально сочетающий остановки и проезды, что позволяет гармонизировать восприятие и образы новых стран и местностей.

Ключевые слова: литературная география; литературное путешествие; четковидная пространственная организация литературного путешествия; культурный придорожный ландшафт; литературное место; Н.М. Карамзин.

Калуцков Владимир Николаевич – доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: v.kalutskov@yandex.ru).

¹ Исследование выполнено при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект «Первый литературный атлас России: важнейшие литературные места, ландшафты, путешествия и образы») и Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Не будет преувеличением утверждать, что в России первым литературным путешествием в современном его понимании и образцом для многих последующих путешествий явились «Письма Русского путешественника» Н.М. Карамзина.

В 1789 г. Н.М. Карамзин отправляется в Европу и после посещения Германии, Швейцарии, Франции и Британии в 1790 г. возвращается в Россию. Первая неполная журнальная публикация «Писем» относится к 1791–1792 гг., а полное издание вышло в 1801 г. [Грихин, 1983].

Уже через несколько лет после публикации «Писем» в 1803–1804 гг. В.Л. Пушкин совершает, по сути, паломничество по следам Карамзина; в 1839 г. М. Погодин поверяет свои личные впечатления при поездке в Европу с карамзиновскими; тоже делает и Ф.М. Достоевский; и даже у Маяковского в стихотворение «Прощание» прочитываются карамзиновские коннотации в отношениях с Парижем [Лотман, Успенский, 1987].

В чем причины столь устойчивого успеха произведения в русском обществе? Прежде, чем ответить на этот вопрос, рассмотрим научные подходы, сложившиеся при исследовании литературных путешествий, и затем дадим определение литературному путешествию.

Подходы к исследованию литературных путешествий. При исследовании литературных путешествий оформилось несколько научных подходов.

В рамках литературоведческого подхода обсуждается правомерность отнесения литературного путешествия к особому жанру литературы; при этом некоторые литературоведы в силу разноплановости материала считают, что «путешествие» (как бы путешествие) представляет собой литературный прием, удобную мотивировку для связывания воедино словесной мозаики [Гуминский, 1987: 125]. Применительно к путешествию Карамзина фундаментальное исследование исторического и политического контекстов в сочетании с культурологическим и лингвистическим анализом выполнено Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским [Лотман, Успенский, 1987].

Попытку геопоэтического взгляда на путешествие Карамзина, опираясь на представления о метафизике пространства, предпринял А. Балдин [Балдин, 2009].

С позиции литературной географии литературные путешествия рассматриваются как **способ литературного освоения, постижения пространства** [Калуцков, 2015; 2016]. В связи с этим в концептосферу литературного путешествия включаются такие понятия, как

путь, дорога, маршрут, транспортное средство, придорожный ландшафт, пейзаж, место, географический образ.

«Письма» Карамзина – *новый тип литературного путешествия*. Итак, в чем причины устойчивого успеха «Писем» в русском обществе? Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, основательно исследуя творчество Карамзина, выделяют несколько важных граней творческого подхода Карамзина.

Во-первых, в **двуединстве** самих «Писем», имея в виду не только двуединую авторскую позицию («европеец» – для русского читателя и «русский» – для иностранца), но и «умственный» характер самого путешествия. Действительно, Н.М. Карамзин проехал по странам Европы, застал Францию в период Великой французской революции, посетил многие культурные центры, встречался с выдающимися деятелями. Но «Письма» нельзя отнести к путевым заметкам (никаких реальных путевых писем не существовало); они представляют собой **литературное произведение в жанре путевых заметок, созданное на основе реального путешествия**: «Итак, перед нами **имитация писем** (выделено мной. – В.К.) частного лица, «русского путешественника», неприятельно описывающего свои дорожные впечатления» [Лотман, Успенский, 1987: 580]. При этом мы имеем дело с очень сложным многоуровневым произведением, обличенным в форму путеводителя по Европе, но также включающим глубинные философские, мировоззренческие и политические идеи, не всегда заметные для неподготовленного читателя.

Вместе с тем при рассмотрении произведения Ю.М. Карамзина **с позиции литературной географии**, имитационный характер «Писем» оказывается не столь существенен. Действительно, дорожных писем не было, но реальное путешествие было совершено. И это путешествие оказалось насыщено разнообразными впечатлениями и личностными географическими открытиями. В таком контексте можно утверждать, что литературное путешествие Карамзина **не имитация, а реальность**, реальность, пережитая, осмысленная и облеченная в яркую литературную форму.

Во-вторых, опираясь на традиции русских паломнических странствий, с одной стороны, и традиции поездок в Европу, заложенные Петром Великим, с другой, Карамзин не следуя им, создает **образец путешествия нового типа**.

У Карамзина, как отмечают исследователи, был свой литературный образец для подражания – «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Лоренса Стерна [Лотман, Успенский, 1987; За-

мятин, 2017]. Но это принципиально разные литературные путешествия. И не только потому, что Россия и Европа – разные культурные миры, хотя сам Карамзин придерживался другой точки зрения, но главное то глубокое воздействие, которое «Письма» оказали на российское общество и новый предложенный автором подход поведения русского путешественника в Европе.

Как показал Ю.М. Лотман, в XVIII в. в русском обществе «путешествие за благодатью сменилось путешествием за Разумом, знанием, просвещением» [Лотман, 1965: 562]. При таком мировоззренческом развороте до работы Карамзина своя земля воспринималась как погруженная во тьму, свет в которую (с помощью западного просвещения!) нужно занести извне. Не случайно, по мнению Ю.М. Лотмана, такой взгляд на Запад у многих русских западников порождал завышенные ожидания, что в результате знакомства с Европой реальной приводило к горьким разочарованиям. В «Письмах русского путешественника» преодолевается подобное уничижительное отношение к своей стране, а Россия и Запад не противостоят друг другу. Карамзин показывает, что Россия есть Европа, а русский путешественник предстает в Европе в качестве просвещенного европейца, а не дикаря-москвиты [Лотман, 1965].

Применительно к нашей теме это означает, что путешествие по Европе для русского человека – это не паломничество по «святым европейским местам», а прежде всего светское путешествие, расширяющее кругозор русского европейца. Такова новая – карамзиновская – модель поведения и отношения к европейским ценностям, модель, которую можно интерпретировать как взвешенно патристическую – без неоправданного возвеличивания, но и без унижения и отрицания Европы.

«Внутренние» литературные путешествия Карамзина. «Внутри» литературного путешествия Н.М. Карамзина мы обнаруживаем еще два литературных путешествия – это путешествия героя по литературным местам Руссо. «Внутренние» литературные путешествия представляют собой еще один важный опыт и поведенческий образец, который требует осмысления.

Первое из них было совершено по местам действия романа Руссо «Новая Элоиза».

«В пять часов утра вышел я из Лозанны с весельем в сердце – и с Руссовою «Элоизою» в руках. Вы, конечно, угадаете цель моего путешествия. Так, друзья мои! Я хотел видеть те прекрасные места,

в которые бессмертный Руссо поселил своих романических любовников»². Далее пешком он идет до селения Веве, где с томиком в руках осматривает первое литературное место, место несостоявшегося самоубийства литературного героя. При этом, глядя на берега и скалы Женевского озера, он читает соответствующие им страницы текста и сопереживает душевному состоянию героев: «Вы можете иметь понятие о чувствах, произведенных во мне сими предметами, зная, как я люблю Руссо и с каким удовольствием читал с вами его “Элоизу”!»³

О том, что это принципиальный для Карамзина **метод путешествия – прогулка с книгой в литературных местах** – подтверждает и сам автор: «... как приятно читать здесь все его несравненные идиллии и поэмы, читать **в тех местах, где он сочинял их** (выделено мной. – В.К.)!»⁴ В связи с этим и мемориальные, и ассоциативные литературные места Карамзин непременно посещает с книгой автора. Под мемориальными литературными местами понимаются места, связанные с биографией писателя; ассоциативные литературные места представляют собой локализованные литературные образы [Калуцков, 2016].

«Отдохнув в трактире и выпив чаю, пошел я далее по берегу озера, чтобы видеть главную сцену романа, селение Клари»⁵. Карамзин описывает реакцию жителей на многочисленных литературных туристов: «Многие из тамошних жителей знают «Новую Элоизу» и весьма довольны тем, что великий Руссо прославил их родину, сделав ее сценой из своего романа». И далее: «Один старик показывал мне тот лесок, в котором, по Руссову описанию, Юлия поцеловала в первый раз страстного Сен-Прё...»⁶ Осмотрев все связанные с романом литературные места в окрестностях Клари, путешественник возвращается в Веве.

Второе «внутреннее» путешествие наш путешественник совершил также в Швейцарии по мемориальным литературным местам Руссо; это была поездка на Бильское озеро с островом Святого Петра, где Руссо в изгнании прожил несколько лет. При его посещении Карамзин делает ценное для литературной географии наблюдение, он свидетельствует о символическом процессе переименования острова Святого Петра: «Сей остров... называется ныне по большей

² Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1983. С. 200.

³ Там же. С. 201.

⁴ Там же. С. 172.

⁵ Там же. С. 201.

⁶ Там же. С. 203.

части Руссовым»⁷. Но десакрализации и новой сакрализации места все же не произошло: на современных картах по-прежнему пишется старое название.

Литературно-географические уроки Карамзина. Художественное произведение Н.М. Карамзина, сохраняя все черты путеводителя по Европе, демонстрирует целый ряд фундаментальных литературно-географических теоретико-методологических измерений литературного путешествия.

1. После Карамзина литературное путешествие можно характеризовать как **светское паломничество**, в котором святые места замещаются «несвятыми» – природными, историческими, культурными, литературными. Очевидно, что паломническая традиция в России сохраняется, но она занимает свое место среди других типов путешествий.

2. Литературное путешествие всегда обладает **семантическим измерением**, содержит культурную оценку территории путешествия, которая зависит от авторской позиции и от его отношения к территории путешествия. Например, в названии книги «Путешествие к дикарям» прочитывается и собственная завышенная культурная оценка, и низкий культурный статус (по мнению автора) территории путешествия. Карамзин, напомним, рассматривает Европу не как «рай» и не как «ад», а как равное России культурное пространство.

3. **«Культурно-географическое открытие» в литературном путешествии.** География любого путешествия – это география нового, это череда «географических открытий». Но применительно к литературному путешествию понятие «географическое открытие» нужно определять не с позиции исторической географии (кто первым приплыл и первым описал новую территорию), а с позиции культурной и литературной географии.

Не так важно, что Колумб открыл Америку, если Вы туда едете впервые «открывать» свою Америку. Культурный контекст заключается в том, что Вы одновременно открываете для себя и американскую культуру. С позиции культурной географии сущность географического открытия для путешественника заключается, во-первых, в открытии новых культур, а не новых земель. А, во-вторых, географическое открытие нужно рассматривать как персонафицированный акт, элемент личного опыта, experience. Таким образом, для путешественника географическое открытие представ-

⁷ Там же. С. 238.

ляет собой личностное (субъективно-объективное) культурно ориентированное действие. Действительно, личный опыт ничем нельзя заменить. Об этом же писал В.В. Маяковский: «Мне необходимо ездить. Общение с живыми вещами заменяет мне чтение книг».

Представление о географическом открытии с позиции литературной географии меняет стратегию поведения путешественника. Здесь возможно два подхода.

Первый связан с проверкой своих впечатлений с образами выбранного автора, поскольку литературное путешествие, особенно совершенное выдающейся личностью типа Карамзина, задает культурные образцы и нормы восприятия страны и ее мест. Соответственно, при несовпадении образов рождаются личностные географические открытия.

Второй подход заключается в сравнении двух и более литературных путешествий в страну (особенно, если они совершены по одной исторической дороге и их маршрут совпадает). Во этом случае нет необходимости в физической поездке, возможно виртуальное литературное путешествие и выявление географических открытий у более позднего автора.

Путешествия по одному историческому пути или дороге⁸, совершенные в разное время и разными авторами дают ценный материал для выявления культурно-географических открытий у разных путешественников. Мы узнаем о культурных и технических изменениях страны, ее меняющихся образах, «открытых» разными литераторами, а также об изменении подходов в самом литературном путешествии и о разных мировоззренческих позициях у разных авторов.

Важнейшим результатом культурно-географического открытия в путешествии являются новые образы, новое видение давно «открытой» страны или города. Перефразируя известное выражение, можно утверждать: «Нельзя дважды совершить одно и тоже путешествие (тем более литературное путешествие): и я не тот, и страна другая».

4. В принципиальном плане любое литературное путешествие имеет **циклическую** трехчастную **структуру**: герой покидает дом

⁸ Под историческим путем понимается «транзитное пространство (своеобразный коридор или полоса), по которому в течение длительных периодов исторического времени происходило перемещение людей и товаров, обеспечивающих взаимодействие между городами, странами, народами. Исторические дороги – жестко локализованные в пространстве линейные коммуникации, в течение многих лет обеспечивавшие перемещение людей и товаров из одних регионов, городов, сельских поселений в другие» [Веденин, 2020: 53].

(усадебу, город, страну), путешествует по чужбине и возвращается домой. Как видим, цикличность путешествия «обеспечивается» идеей дома в узком и расширительном ее понимании. Подобной структурой обладают «Письма», «Путешествие в Арзрум» Пушкина, «Фрегат «Паллада» Гончарова и многие другие произведения.

Вместе с тем при картографировании некоторых текстов литературных путешествий, например, поэмы Твардовского «За далью даль», обнаруживается их **линейная**, нециклическая структура. Это связано с тем, что авторы таких произведений описывают не весь цикл путешествия, а только его часть. В этих случаях идея дома частично или полностью выносится за рамки литературного текста.

5. «Записки» демонстрируют нам **четковидную пространственную организацию путешествия**; оно включает **линейное пространство** придорожных ландшафтов и **ядерное пространство** остановок.

Пространство движения путешественника линейно; оно включает в себя **дорогу и придорожный ландшафт с пейзажными впечатлениями**. Однообразный придорожный ландшафт зимней России хорошо представил А.С. Пушкин: «Ни огня, ни черной хаты, / Глушь и снег... Навстречу мне / Только версты полосаты / Попадают одна...»

При невысокой скорости передвижения в карете пространство придорожного ландшафта внимательно обзревается Карамзиным, и эти наблюдения тщательно фиксируются. Хотя впечатления от картин местности у автора эмоционально окрашены, любой географ или регионовед без труда «считает» по ним территориальную структуру культурного ландшафта.

Вот структура разнообразного прусского ландшафта: «То обширные поля с прекрасным хлебом, то зеленые луга, то маленькие рощи и кусты, как будто в искусственной симметрии расположенные представлялись глазам нашим. Маленькие деревеньки вдали составляли также приятный вид»⁹ [Карамзин, 1983: 39]. А вот – описание польского культурного ландшафта: «Впрочем, дорога не скучная: везде видишь плодоносную землю, луга, рощи; там и сям маленькие деревеньки или врозь рассеянные крестьянские домики»¹⁰. Не впечатлил автора однообразный хуторской эстонский ландшафт: «Что принадлежит до местоположений, то в этой стороне смотреть не на что. Леса, песок, болота; нет ни больших гор, ни

⁹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1983. С. 39.

¹⁰ Там же. С. 37.

пространных долин. Напрасно будешь искать и таких деревень, как у нас. В одном месте видишь два двора, в другом три, четыре и церковь»¹¹ [там же: 33].

Такое полное восприятие окружающего ландшафта зависит не только от подготовленности и наблюдательности путешественника, но и от **скорости его движения**. Путешествие в конном экипаже позволяло это делать. При большой скорости передвижения, как показал А.С. Пушкин, целостное восприятие придорожного ландшафта разрушается, а на смену ему приходит бриколажное мелькание отдельных предметов:

Пошел! Уже столпы заставы
Белеют: вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах¹².

Не менее важен для восприятия придорожных пейзажей невысокий **темп самого путешествия**, гармонично сочетающий остановки и переезды: «В день **переездаем** (переездаем, а не проезжаем. – *В.К.*) обыкновенно ... верст семьдесят»¹³.

Пространство остановок путешественника носит ядерный характер, в центре него может находиться город, небольшое селение, постоянный двор и даже ненаселенное место. В структуре путешествия стационарное пространство играет важную роль: именно через него осуществляется **вход в другую культуру**.

На остановках пейзажное восприятие страны уходит на второй план и сменяется внедорожным – преимущественно социо- и этнокультурным восприятием. Через остановки путешественнику «открывается» страна, формируется ее образ. Возможно, поэтому для западных путешественников Россия и называлась Московской, по-

¹¹ Там же. С. 33.

¹² Пушкин А.С. Евгений Онегин // Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М., 1964. С. 156–157.

¹³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1983. С. 37.

сколько образ страны формировался прежде всего через восприятие важнейшего города страны. Нередко одна остановка во время путешествия становится главным географическим фоном разворачивания литературного сюжета как, например, в «Ревизоре». Напомним, что действие «Ревизора» начинается с придорожного события – карета ломается на мосту, но основное действие происходит в типичном уездном русском городе.

В городах, сельской местности и на природе Карамзин предпочитает передвигаться **пешком**. Это позволяет ему не только любоваться прекрасными видами, но и постоянно общаться с людьми – чиновниками, военными, крестьянами.

Следовательно, к важным для Карамзина атрибутам путешествия относятся **небольшая скорость движения**, позволяющая «считать» эстетику и структуру культурного придорожного ландшафта, и **невысокий темп самого путешествия**, оптимально сочетающий остановки и переезды, что позволяет гармонизировать восприятие и образы новых стран и местностей.

Таким образом, спустя два века Карамзин преподносит нам новые «уроки», актуальные и для наших дней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балдин А.* Протяжение точки: литературные путешествия. Карамзин и Пушкин. М., 2009.
2. *Веденин Ю.А.* Место исторического пути в культурно-ландшафтном пространстве Русского Севера: по следам Александра Шренка // *Наследие и современность.* 2020. № 3 (4). С. 52–72.
3. *Веденин Ю.А.* География наследия. Территориальные подходы к сохранению и изучению наследия. М., 2018.
4. *Грихин В.А.* Европа глазами русского путешественника // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1983. С. 5–24.
5. *Гуминский В.М.* Открытие мира или Путешествия и странники. М., 1987.
6. *Замятин Д.Н.* Паганель в зазеркалье: географические образы путешествий в русской литературе // *Гунны в Париже: к метагеографии русской культуры.* СПб., 2017. С. 204–217.
7. *Калуцков В.Н.* Литературная география как научный предмет и как учебная дисциплина // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2015. № 4. С. 67–79.
8. *Калуцков В.Н.* Концептуальные основы литературной географии // *Уральский исторический вестник.* 2016. № 2 (51). С. 118–125.
9. *Лотман Ю.М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // *Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та.* 1965. Вып. 181. С. 210–216 (Труды по знаковым системам. Т. 2).
10. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской литературы // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 525–607.

Vladimir N. Kalutskov

“LETTERS OF A RUSSIAN TRAVELER” BY N.M. KARAMZIN: LITERARY AND GEOGRAPHICAL ASPECTS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In the article the author examines the geoliterary aspects of “The Letters of a Russian Traveler” by N.M. Karamzin. This means that travel writing is seen as a way of literary exploration of space. Karamzin’s literary journey is characterized as a secular pilgrimage, in which holy places are replaced by cultural ones – natural, historical, cultural, and literary. The author changed the established vector of cultural assessments, considering Europe not as “paradise” and not as “hell”, but as a cultural space equal to Russia. “Notes” convincingly demonstrates that literary travel has a cyclical structure and a clear-cut spatial organization, which includes the linear space of roadside landscapes and the nuclear space of stops, which should be considered as an entrance to another culture. Important attributes of literary travel include a low speed of movement, which allows you to “read” the aesthetics and structure of the cultural roadside landscape, but also a low pace of the journey itself, which optimally combines stops and crossings, which allows you to harmonize the perception and images of new countries and localities.

Key words: literary geography; literary travel; clear-cut spatial organization of literary travel; cultural roadside landscape; literary place; N.M. Karamzin.

About the authors: *Vladimir N. Kalutskov* – Dr. habil in Geographical Sciences, Professor of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: v.kalutskov@yandex.ru).

REFERENCES

1. Baldin A. 2009. *Protivazheniye tochki: literaturnyye puteshestviya. Karamzin i Pushkin* [The extension of a point: literary journeys. Karamzin and Pushkin]. Moscow. (In Russ.)
2. Vedenin Yu.A. 2020. Mesto istoricheskogo puti v kulturno-landshaftnom prostranstve Russkogo Severa: po sledam Aleksandra Shrenka [The place of the historical path in the cultural and landscape space of the Russian North: in the footsteps of Alexander Schrenk]. *Naslediye i sovremennost*, no. 3 (4), pp. 52–72. (In Russ.)
3. Vedenin Yu.A. 2018. *Geografiya naslediya. Territorialnyye podkhody k sokhraneniyyu i izucheniyu naslediya* [Heritage geography. Territorial approaches to the preservation and study of heritage]. Moscow. (In Russ.)
4. Grikhin V.A. 1983. *Evropa glazami russkogo puteshestvennika* [Europe through the eyes of a Russian traveler]. In Karamzin N.M. *Pisma russkogo puteshestvennika*. Leningrad, pp. 5–24. (In Russ.)
5. Guminskiy V.M. 1987. *Otkrytiye mira ili Puteshestviya i stranniki* [Discovery of the world or Travel and Wanderers]. Moscow. (In Russ.)

6. Zamyatin D.N. 2017. Paganel v zazerkalye: geograficheskiye obrazy puteshestviy v russkoy literature [Paganel through the Looking Glass: Geographical images of travel in Russian literature]. *Gunny v Parizhe: k metageografii russkoy kultury*. Saint Petersburg, pp. 204–217. (In Russ.)
7. Kalutskov V.N. 2015. Literaturnaya geografiya kak nauchnyy predmet i kak uchebnaya distsiplina [Literary geography as a scientific subject and as an academic discipline]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 67–79. (In Russ.)
8. Kalutskov V.N. 2016. Kontseptualnyye osnovy literaturnoy geografii [Conceptual foundations of literary geography]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, no. 2(51), pp. 118–125. (In Russ.)
9. Lotman Yu.M. 1965. O ponyatii geograficheskogo prostranstva v russkikh srednevekovykh tekstakh [On the concept of geographical space in Russian medieval texts]. *Uchen. zap. Tartusk. gos. un-ta. Vyp. 181*, pp. 210–216 (Trudy po znakovym sistemam. Vol. 2.). (In Russ.)
10. Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. 1987. «Pisma russkogo puteshestvennika» Karamzina i ikh mesto v razvitii russkoy literatury [“Letters of a Russian traveler” by Karamzin and their Place in the Development of Russian Literature] In Karamzin N.M. *Pisma russkogo puteshestvennika*. Leningrad, pp. 525–607. (In Russ.)